Чудо / рассказ

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 22 января, 2025
Чудо / рассказ ЧУДО

На Всемирной выставке ковра в Гамбурге яблоку негде было упасть, столько там народу собралось. Ковры, привезенные со всех концов света, переливаясь всеми цветами радуги, создавали атмосферу праздника, заставляли посетителей останавливаться возле экспонатов и подолгу разглядывать их. Поток черных и белых, желтых и коричневых лиц, разноязыкая речь – все они сейчас были прикованы к единственному чуду – ковру.
Высокий худощавый человек с козлиной бородкой, перекладывая из одной руки в другую инкрустированную драгоценными камнями трость и временами поправляя очки, подолгу стоял возле каждого ковра. Сопровождавшая его худощавая светлокожая женщина, то бравшая мужа под руку, то подставлявшая ему плечо, сняв большие темные очки, внимательно разглядывала какой-то ковер.
– Чарльз, дорогой, посмотри, не об этом ли ковре ты говорил?
Человек с козлиной бородкой резко повернулся вправо, словно там его ожидал давно искомый предмет, и резво наклонился над пурпурно-красным ковром. Его тонкие длинные пальцы стали осторожно скользить по ворсу ковра. Дойдя до края, они стали неторопливо перебирать нити чисто-белой бахромы, будто пересчитывая подвески серебряных украшений. Отвернул край ковра, готового выскользнуть из рук, несколько раз погладил его обратную сторону. Чуть не касаясь лбом гелей, он внимательно разглядывал их, шевеля тонкими губами и что-то высчитывая. Потом с обиженным видом обратился к стоявшей рядом женщине:
– Нет, Диана, это вовсе не тот ковер, э-эх…
Расстроенная не меньше него Диана в знак солидарности с Чарльзом сочувственно погладила его по руке.
– Что же делать, дорогой, видимо, нам не суждено увидеть этот ковер.
Чарльз снова показал рукой на тот ковер.

— Это тоже неплохой ковер, настоящий персидский ковер. Но я говорю об истинно туркменском ковре, на солнце он всеми цветами радуги играет. — Чарльз сильно прикусил губу. — Э-эх, не чета он этим коврам, ни в какое сравнение с ними не идет, особенный он, неповторимый. Говорю же, походишь по нему босиком и райское наслаждение получишь.
Чарльза, разменявшего восьмой десяток лет, воспоминания перенесли из Европы в далекий Туркменистан. Такое повторялось каждый раз с тех пор, как шестьдесят лет назад он выслушал историю, со слезами на глазах рассказанную его дедом Дэвидом. Эмоции переполняли его, и он ощущал себя ласточкой, бороздящей просторы туркменской степи. Поведанная дедом история не была выдумкой, она случилась в действительности и потому помнилась всю жизнь.

x x x

В пожелтевшем от времени дневнике Дэвида есть следующая запись: «В 1868 году я впервые ступил на туркменскую землю». А на последней странице дневника, доставшегося Чарльзу в наследство от деда, записано: «В обжигающем туркменском краю, расположенном в тысяче миль от туманных берегов Темзы, сотканный аборигенами ковер спас меня от неминуемой гибели».
Последние строки не только не удивили Чарльза, но он еще и не поверил в них. «Рассказ моего старого деда похож на сказку. Какая может быть связь между смертью и лежащим на полу ковром? И разве его можно уподобить отважному смельчаку, способному отвести летящую в тебя пулю или занесенный над головой меч? Стоит ли наделять обычный ковер такими волшебными свойствами? Да, а может, дорогой ковер был использован как выкуп за моего деда и спас его от врагов или разбойников? Ну, конечно, похоже, что на самом деле все так и было».
Юный Чарльз, пришедший к такому выводу в то далекое время, был неправ. На самом деле событие, в которое трудно было бы поверить, происходило вовсе не так.
… Шотландскому юноше Дэвиду, выехавшему в составе научно-инженерной экспедиции, в ту пору не исполнилось и двадцати

пяти лет. Несмотря на это молодому и горячему геодезисту, блестящему выпускнику Кембриджа, увлекающемуся историей и этнографией восточных народов, свободно владеющему несколькими иностранными языками, не составило большого труда попасть в экспедицию, направляющуюся в Среднюю Азию.

Когда они приплыли в Чекишляр, бархатная прохлада осеннего Каспия пришлась по душе не только ему, но и всем членам экспедиции, коих было около тридцати человек. Хотя основной целью экспедиции было изучение географии туркменской земли, структуры ее почв, в ее составе были и историки, и военные инженеры, и этнографы, и даже доктор. Поход, начавшийся от острова Гызылсув, должен был завершиться в крепости Ашхабад.

Каждый занимался своим делом, но одержимее всех был Чарльз. Любознательный геодезист старался занести на карту все особенности этого удивительного края. «Меня поразило мужество здешнего народа, его умение держать слово». Первые страницы дневника Дэвида в толстой серой обложке были украшены следующими строками: «У туркмен многому можно научиться. Больше всего поражает их трепетное отношение к своему коню. Чуть ли не в каждом доме есть своя лошадь. Резвость туркменского скакуна сравнима с ветром. В Европе утвердилось мнение, что «туркмены – дикий народ, нет у них ни ремесел, ни земледелия, они и к женщинам своим относятся жестоко». Но это вовсе не так. Туркмены настолько почитают своих женщин, что в этом вопросе дадут фору не то что кавказским народам, но и некоторым европейцам. Например, их женщины не закрывают лиц, не прячутся от мужчин, зато их воспитанность поразительна. А как изящны их украшения! От них невозможно оторвать глаз. Да, пока не забыл, скажу: такие красивые ковры никто, кроме туркменских женщин, не умеет ткать. Больше нигде в мире вы не встретите этого чуда из чудес! Думаю, что туркмен, владеющих такими удивительными ремеслами, следует считать великим народом. Понятно, что истоки духовной цивилизации народа, создающего бессмертные творения, которые невозможно ни в слове, ни в живописи передать, уходят в глубину веков».

К середине осени экспедиция прибыла в Кизил-Арват. Дни стояли жаркие, казалось, сюда вернулось лето. Зато здесь они вдоволь

наелись сочных и сладких, как мед, что даже губы слипались, желтых дынь и арбузов с алой мякотью, таких крупных, что одному человеку было не под силу удержать их в руках. Дружище, таких плодов вы не увидите в Европе, где короткое лето, перескакивая через осень, уходит в долгую зиму, где практически нет весны. А вот в туркменских степях лето как лето, да и теплая осень длится долго-долго. Вкуса хлеба, выпеченного из пшеницы, выращенной на плодородных землях Аркача, Дэвид не забудет до конца дней своих.

«Увы, здешний народ страдает от отсутствия собственного государства, от разрозненности своей. Со всех сторон его окружают захватчики, готовые напасть в любую минуту. Однако стремление народа, имеющего на вооружении лишь кривую шашку, быть свободным, заслуживает самого глубокого уважения. Главное, туркмены никогда не нападают на соседа. Здесь говорят: «Не трогай того, кто не трогает тебя». Зато и никакой другой народ, кроме туркмен, не в состоянии дать мощный отпор вооруженному до зубов врагу. И хотя в обычной жизни туркмены мудры и сдержанны, они умеют радоваться и веселиться».

Вот и эта запись была обнаружена в дневнике Дэвида.

В один из теплых осенних дней с Дэвидом приключилась беда. Со вчерашнего дня ему нездоровилось, время от времени мучила тошнота, но он не обращал на это внимания и продолжал заниматься своей работой. Но сегодня он рухнул на землю как подкошенный.

Дэвиду казалось, что он летит в черную дыру. Пропасть была такой темной и страшной, такой глубокой, что хотелось кричать. Ему не хватало воздуха, и он задыхался.

— Спасите меня, вырвите из лап смерти! Я не хочу умирать, я хочу жить! — во все горло орал Дэвид. Так казалось ему, на самом же деле слова застревали в спекшихся губах и оттуда вырывался лишь слабый шепот. При этом он испытывал сильный жар, словно его кинули в кипящий котел, все тело его горело. Веки Дэвида стали тяжелыми, как будто к ним подвесили пудовые гири. Нет, кто-то изо всех сил давит на его веки, отчего глаза лезут из орбит.

— Я умираю… Я…

Сказать еще что-то у него не хватило сил. Неизвестно, сколько времени Дэвид провел в беспамятстве, но когда открыл глаза, показалось, что он заново родился на свет. Дэвид только помнит, что когда летел в пропасть, наверху появилось чье-то лицо. Обладатель этого прекрасного лица протягивал ему руку.
Открыв глаза, Дэвид увидел склонившегося над ним мужчину в шелковом халате-доне с заткнутыми за пояс полами, в белой косоворотке и вышитой тюбетейке. На красивом лице этого человека светилась улыбка. С этим черноусым Дэвид познакомился в самые первые дни после приезда. «Не зря тебя назвали Инером. Ты и похож на чистокровного туркменского верблюда инера, особенно, когда берешься за какое-то дело»,- сказал ему как-то Дэвид.
— Знаешь ли ты, Дэвид, что этот человек спас тебя?- шепотом сообщил ему склонившийся над ним экспедиционный врач Роберт. Во всем его облике отразились и удивление произошедшим, и недовольство собой, словом, он испытывал целую гамму непонятных чувств. И не только он, все члены экспедиции обступили больного и переминались с ноги на ногу, не зная, как объяснить случившееся.
— Не стойте, как истуканы, занимайтесь своими делами, опасность миновала и все самое страшное уже позади. Даст Бог, совсем скоро ваш друг встанет на ноги,- сказал Инер и начал спокойно перетирать в ладонях какие-то травки.
Дэвид хотел повернуться на другой бок, но не смог даже пошевелиться. Честно говоря, ему не очень-то и хотелось двигаться. Невыносимая ломота во всем теле прошла, и теперь на ее место пришла приятная слабость. Дэвид чувствовал, как с него ручьями стекает пот, унося с собой все его болезни. Он не помнил, чтобы когда-нибудь прежде ему доводилось находиться в таком состоянии. Он еще не знал, что буквально через три-четыре дня в его дневнике появятся следующие удивительные строки:
«Когда я упал без чувств, наш врач решил, что это брюшной тиф, который я подхватил в этих краях. Температура, бред, холодный пот… Эти симптомы до смерти перепугали Роберта. Меня вроде бы лечили, но ничего не помогало, напротив, мне становилось хуже.

«Похоже, его не удастся вырвать из цепких когтей смерти»,- подумал Роберт и даже заплакал. А тем временем туркмен по имени Инер, со стороны наблюдавший за потугами нашего врача, предложил свою помощь: «Если доверите мне, я попытаюсь поставить его на ноги. В противном случае, эта болезнь не оставит никаких шансов на выживание». Все члены экспедиции стали наперебой просить Инера взяться за мое лечение. Так вот, наш погонщик верблюдов побежал к себе домой и оттуда вынес на плече кроваво-красный ковер. Раздел меня донага и полностью завернул в этот ковер. На виду остались только мой лоб и нос, все остальное было скрыто внутри ковра. Окружающие с интересом наблюдали за странными манипуляциями туркмена, пытаясь понять, каким образом он собирается вылечить меня. А тому не до вопросов, он молча занимается своим делом и ни на кого не обращает внимания. Поджег какую-то приятную травку и поднес к моему носу, чтобы я вдыхал ее запах. Лоб смазал какой-то неизвестной жидкостью. Потом, скрестив ноги, уселся возле меня и заговорил:

— Вы говорите, в вашей стране мало солнца и много сырости. Вот и Дэвид со дня нашего знакомства не раз повторял, что плохо переносит жару. Потому что в его организме осталась простуда. В нашем жарком климате эта простуда должна была выйти из него. К тому же, он еще и тепловой удар получил. А эта штука никакому брюшному тифу не уступит. Особенно страшны ее осложнения, больного может парализовать, он может даже ослепнуть. Но ваш человек, даст Бог, выздоровеет и будет здоров, как и прежде, болезнь бесследно покинет его…

Так и случилось. Благодаря Инеру я полностью поправился и вернулся к прежней жизни. В благодарность за свое излечение я предложил своему спасителю много денег, так он чуть ли не с кулаками набросился на меня. «Такие дела не делаются за деньги»,- сказал он с обиженным видом и пристыдил меня. Мне и впрямь стало стыдно. И все же после трех дней уговоров он принял от меня в дар карманные часы в золотой оправе. Зато как я ни умолял его, Инер наотрез отказался продать ковер, спасший меня от смерти. «Пойми, туркмены такие ковры не ткут для продажи!»- решительно заявил он мне.

Дэвид с раскрытым от удивления ртом слушал, какими лечебными свойствами обладает ковер.
— Во-первых, нити ковра прядутся из овечьей шерсти. Правда, у нас есть и другие ковры, сотканные из более тонкой шелковой нити. А как готовят пряжу? Шерсть хорошо промывают, чешут, а потом замачивают в растворе красителя. Краски у нас натуральные, растительные. Для их получения используют всевозможные травы, скорлупу грецких орехов, фисташковый лист… словом, все, что произрастает на благословенной туркменской земле. Кстати, все эти растения являются лекарственными. Какие-то используют при радикулите, другие помогают при астме, наши травы лечат болезни печени и простуду. Поверь, что даже больного тифом можно спасти от смерти, завернув в чистошерстяной ковер ручной работы. Ходи по ковру босиком, спи на нем, укрывшись чекменем из верблюжьей шерсти или, на крайний случай, тулупом из овчины, и всякая болезнь обойдет тебя стороной. Не думай, что наш народ ткет ковры только для того, чтобы использовать их в качестве подстилки или же для украшения интерьера…
Дэвиду все стало ясно, а после рассказа Инера он загорелся желанием приобрести такой ковер. Увы… Участникам экспедиции после ее завершения пришлось уходить с пустыми руками. Словно сговорившись, туркмены не продали иностранцам ни единого ковра. Больше других повезло Дэвиду. При прощании гостеприимный Инер, с которым он за время пребывания экспедиции не просто сдружился, а почти сроднился, накинул на плечи юноши серый чекмень из чистой верблюжьей шерсти и сунул под мышку небольшой шелковый коврик тончайшей работы, расстилаемый у очага, так называемый «ожакбашы». Да, коврик был совсем маленьким, но таким красивым, такими яркими были его узоры, что от него невозможно было отвести взор.
«Но, увы, мне не удалось уберечь эту красоту, которой так все завидовали. Как ни оберегал я ковер, его у меня украли во время перехода из Черного моря в Средиземное. Сколько усилий я приложил, пытаясь отыскать драгоценный подарок, но все они оказались тщетными. Я был так расстроен, будто у меня не ковер украли, а сердце вырвали из груди. Я ревел, как белуга, потому

что у меня отняли самое дорогое, что было в моей жизни. В ту минуту я поклялся до конца дней своих искать это чудо, святыню, дарованную мне человеком, с которым меня свела счастливая судьба».
Эти строки были последними в пожелтевшем от времени дневнике Дэвида.

x x x

— Диана! — этот возглас заставил обернуться не только стоящих рядом, но и тех, кто уже удалился от этого места на приличное расстояние. Опустившись на колени, Чарльз гладил красный ковер, шелковистый ворс которого играл всеми цветами радуги.
— Вот он, ковер, о котором рассказано в дневнике моего деда Дэвида. Настоящий туркменский ковер…
Экскурсовод, девушка в национальном платье с вышивкой, рядом с которой был приколот небольшой значок с изображением Герба и Флага нового Туркменского государства, в тюбетейке, на которой золотом сверкало куполовидное украшение гупба, не зная, что происходит, лишь мило улыбнулась. Hekaýalar